

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИЯ

DOI: 10.31857/S086919080002867-0

ДРУЖИНА У ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПИСЬМЕННЫХ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

© 2018

Н. Н. СЕРЕГИН^{а)}, В. В. ТИШИН^{б)}

^{а)} Алтайский государственный университет, Барнаул; Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8051-712>; nikolay-seregin@mail.ru

^{б)} Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия;
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7344-0996>; tihij-511@mail.ru

Резюме: В статье на основе привлечения сведений письменных источников и данных археологии рассматривается проблема существования института дружины у тюрков – племенной группировки, создавшей во второй половине VI в. политическое образование, просуществовавшее в той или иной форме до середины VIII в. На основе обобщения прямых и косвенных свидетельств письменных источников, по мнению авторов, есть основания утверждать лишь о существовании каких-то военизированных отрядов, находящихся в подчинении у представителей тюркской элиты, но без возможности четкой их характеристики, будь то какие-то гвардейские отряды, телохранители или лично подчиненные люди с самым широким кругом обязанностей. Археологические материалы дают основания для постановки вопроса о наличии некой социальной группы, связанной с военным делом, которая может быть условно охарактеризована как «профессиональные воины».

Ключевые слова: дружина, тюрки, Центральная Азия, письменные источники, археологические материалы, социальные реконструкции.

Для цитирования: Серегин Н.Н., Тишин В.В. Дружина у тюрков Центральной Азии (основные аспекты интерпретации письменных и археологических источников). *Восток (Oriens)*. 2018. № 6. С. 47–65. DOI: 10.31857/S086919080002867-0

Благодарность: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Элита древних тюрков Центральной Азии (комплексный анализ археологических и письменных источников)» (№ 16-31-01029а2), а также в рамках выполнения проекта РНФ «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция» (№ 16-18-10033).

THE INSTITUTION OF *COMITATUS* AMONG THE TURKS OF INNER ASIA
AND THE INTERPRETATION OF WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL
SOURCESNikolai N. SEREGIN^{а)}, Vladimir V. TISHIN^{б)}

^{а)} Altai State University, Barnaul, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8051-712>; nikolay-seregin@mail.ru

^{б)} Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia;
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7344-0996>; tihij-511@mail.ru

Abstract: Using the written sources and archaeological data, the article analyses the problem of an existence of *comitatus* 'armed forces, retainers, war bands' among the Turkic peoples. These tribal groups established a polity in the second half of the sixth century CE that existed until the early eighth century. The authors discuss historical terms mentioned in various written sources than may be possibly identified with the *comitatus*. According to the authors, one may only conjecture the existence of certain military communities associated with the higher elite. The authors also attract sources to the Uighur and Yenisei Kyrgyz. The military groups of the Turkic elites could be a guard, bodyguards or usual retainers with a wide range of their functions. There is no evidence of their formal organization. Archaeological materials allow one to distinguish only a social strata linked to warfare and defined as "professional warriors" for the sake of convenience.

Keywords: *comitatus*, Türks, Inner Asia, written sources, archaeological materials, social reconstructions.

For citation: Seregin N.N., Tishin V.V. The Institution of *Comitatus* among the Türks of Inner Asia and the Interpretation of Written and Archaeological Sources. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 6. Pp. 47–65. DOI: 10.31857/S086919080002867-0

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the RFBR, research project "The Elites of the ancient Türks of Central Asia (a comprehensive analysis of the archaeological and written sources)" (No. 16-31-01029a2) and in the framework of the RSF project "Formation and evolution of livelihood systems among the nomadic societies of Altai and adjacent territories in late antiquity and the middle ages: an integrated reconstruction" (No. 16-18-10033).

Проблема существования института дружины в Тюркском каганате, насколько нам известно, не становилась еще предметом специального исследования. В ряде публикаций содержатся лишь отдельные замечания, или скорее мы имеем дело с констатацией существования этого явления, которое специалисты пытаются увидеть, прибегая к интерпретации разрозненных сведений, и в частности социальных терминов. По этой причине мы отказались от историографического пассажа, сочтя целесообразным коснуться точек зрения тех или иных исследователей в контексте рассмотрения конкретного источникового материала.

ДАННЫЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Единственным свидетельством письменных источников, которое может быть принято за прямое указание на существование института дружины у тюрков, является сообщение китайской хроники «Чжоу шу» 周書 (цз. 50) о наличии у тюркского кагана неких «телохранителей» (шун-вэй 侍衛), называющихся фу-ли 附離, что, согласно китайскому автору, означает 'волк' (лан 狼), поэтому здесь справедливо предполагается транскрипция древнетюркского слова *böri [Liu Mau-tsai, 1958, Bd. I, S. 9, 181; Taşağıl, 2003, s. 97]. Как отметил сэр Дж. Клосон, следует учитывать, что эти данные были собраны китайцами к 629 или вовсе к 659 г., т.е. когда тюрки уже сумели заявить о своей мощной военной машине [Clauson, 1964, p. 11]. В жизнеописании Сюань Цзана 玄奘 повествуется о наличии у западнотюркского кагана (630 г.) сопровождения из двухсот высокопоставленных чиновников (да-гуань 達官), а также воинов в меховых одеждах, вооруженных копьями с флагами на навершиях (шо дао дуань 槊纛端) и луками (ср. [Зуев, 2002,

с. 264–265]). Последние вполне могут рассматриваться как телохранители правителя [Кычанов, 2010, с. 121].

Что касается *фу-ли* 附離, т.е. **bōri* (сомнения сэра Дж. Клосона в этой реконструкции [Clauson, 1964, p. 12] напрасны [Kasai, 2012, S. 89, Anm. 25; Kasai, 2014, p. 123]), исследователей часто вводит в заблуждение близость фрагмента о них к предшествующему пассажи о вооружении тюрков, где среди прочего упоминается *ци дао чжи шан ши цзинь лан тоу* 旗纛之上施金狼頭 (Чжоу шу, цз. 50, с. 5а), букв. ‘на верху знамен и штандартов использовали золотую волчью голову’. Явной связи между этими фрагментами нет, несмотря на то, что после надежного прочтения В.М. Надеяевым рунической надписи на горе Тэвш-уул из Ховдского сомона можно уверенно утверждать о наличии в древнетюркский период таких военных должностей, как знаменосец (*туγčī*) и трубач (*borγ(i)čī*) (возможно, это одна должность) (см. [Баттулга, 2005, 178–179 дугаар тал.]). Однако исследователи часто накладывают эти сообщения китайского источника друг на друга, сводя все к генеалогическим легендам правящего рода Тюркского каганата.

Л. Крэдер рассматривал *фу-ли* 附離 как ханскую «свиту или дружину» (*retinue* or *garde-du-corps*), положение членов которой было наследственным [Krader, 1963, p. 185]. Б. Ögel считал их личной охраной кагана, одновременно бывшей своеобразной «военной школой»; она вербовалась сначала из детей знатных лиц, впоследствии из лично верных кагану людей, которым он оказывал покровительство [Ögel, 1971, s. II, p. 99–100, 109–110]. Д. Синор со ссылкой на Р. де Рутура отмечает, что в танское время слово *шувэй* 侍衛 обозначало именно императорскую стражу [Sinor, 1982, p. 234]. Е.И. Кычанов видел здесь каганскую гвардию, телохранителей, охраняющих ставку [Кычанов, 2010, с. 123, 130, 330]. Ю.А. Зуев писал о возможных молодежных союзах [Зуев, 2002, с. 288–289]. П.Б. Голден вслед за Г. Дьёрффи считает возможным привлечь сюда для сопоставления термин *bujruq* древнетюркских рунических надписей [Györffy, 1960, p. 174–175, Anm. 7; Golden, 2001, p. 160–162; Голден, 2005, с. 465–466].

Памятники рунической письменности Тюркского каганата не содержат никаких прямых сведений об упомянутом институте, если только не считать тех, кто именуется термином *bujruq* [Şirin User, 2009, s. 257–258], букв. ‘приказной’, ‘тот, кому отдают приказы’ (< *bujur-* ‘командовать’, ‘отдавать приказы’)¹. П.М. Мелиоранский считал их адъютантами при самом кагане [Мелиоранский, 1899, с. 99]. В.В. Бартольд полагал, что, возможно, это собирательное название для всех подчиненных кагану чиновников и глав подвластных родов, управлявших от имени верховного правителя [Бартольд, 1968, с. 244; Barthold, 1897, S. 6–7, 17]. К данной позиции взгляд В. Томсена, считавшего, что это обобщающий термин для обозначения всей совокупности непосредственно подчиненных кагану чиновников, гражданских и военных [Thomsen, 1924, S. 130; Thomsen, 1935, p. 88; Ögel, 1971, с. II, s. 102; Kljaštornyj, 2000, p. 172; Şirin User, 2006, s. 227–229]. Другие исследователи рассматривали *bujruq* как судей [Бернштам А.Н., 1946, с. 112–113], общее название гражданских чиновников с административными функциями [Giraud, 1960, p. 82–83; Clauson, 1972, p. 387], конкретное должностное лицо вроде канцлера [Doerfer, 1965, S. 363–364, 397; Donuk, 1988, s. 11–13]. Е.И. Кычанов относил *буйруков* к *сяо-гуань* 小官 ‘младшим чиновникам’, противопоставляемым *да-гуань* 大官 ‘старшим чиновникам’ [Кычанов, 2010, с. 123]. Выдающийся турецкий социолог Мехмет Зийа (Гёк Алп), по-видимому, первым отметил тот факт, что *Buyluk* и изначально могли быть

¹ Ёсида Ютака читает в стк. 16 согдийской версии Первой Карабалгасунской надписи этот термин в форме *pywrywxyt* [Yoshida, 2011, p. 82].

выходцами из простого народа и формировались как свита аналогично клиентеле в Риме [Gökalp, 1981, s. 88–89]. Дьёрдь Дьёрффи полагал, что они могли иметь те же функции, что и *nökör* у монголов, что, следуя за Б.Я. Владимирцовым, он трактовал как «военный эскорт» [Györfy, 1960]. Иными словами, *bujruq* представлен как «инструмент политической и в то же время военной организации», эскорт кагана «на данном экономическом и социальном уровне», но впоследствии из них назначались высокие сановники [Györfy, 1960, S. 175]. Эти взгляды получили развитие в работах Й. Сюча, И. Вашари, О. Прицака [Szűcz, 1971, 20–21. о.; Szűcz, 1984, 351–353. о.; Vásáry, 1983, 203. о.; Pritsak, 1983, p. 360]². Значительно позже Альфред Мартон отметил, что многие интерпретации происходили до того, как был найден такой памятник Уйгурского каганата, как Терхинская (Тариатская) стела, где обнаружено, как посчитал исследователь, доказательство именно их административных функций [Márton, 1998]. Михай Добрович, тоже привлекая материалы эпохи Уйгурского каганата, а также данные китайских источников, предположил, что *bujruq* – не конкретный чин, а общее название уполномоченных лиц, бывших в свите чиновников различного уровня [Dobrovits, 2002].

Впрочем, об усилении *bujruq* как социальной группы, обладавшей определенными административными и политическими функциями, в период Уйгурского каганата хорошо написали С.Г. Кляшторный и А.К. Камалов [Кляшторный, 2003, с. 458; Кляшторный, 2006, с. 426–427; Камалов, 2001, с. 130–135, 136]³. Вероятно, это могло быть связано и с усложнением социально-политической системы Уйгурского каганата. В частности, в Терхинской (Тариатской) стеле Уйгурского каганата упоминается отряд в триста *tury(a)q*, в которых исследователи видят охрану ставки кагана [Кляшторный, 2006, p. 134; Кляшторный, 2010, с. 48; Şirin User, 2009, s. 129, 254, 281]; ср. в значении ‘дневная стража’ [Doerfer, 1965, S. 477–478; Clauson, 1972, p. 539]⁴; и в этом же памятнике *tury(a)q başı* [Şirin User, 2009, s. 254–255, 281], т.е. ‘начальник дневной (?) стражи’. С.Г. Кляшторный отмечает также в надписи Могойн Шинэ Усу *qut jortuy* ‘охранный конвой’ (МШУ, стк. 40 (= Зап., стк. 3)), «наиболее привилегированная часть гвардии, ханский конвой» [Кляшторный, 2010, с. 58, 65–66, 74]; ср. карах.-уйг. *yortuğ* ‘a royal escort’ [Clauson, 1972, p. 959].

Соответствующие интерпретации создает и употребление термина *bujruq* в Суджинской надписи, традиционно относимой к енисейским кыргызам (см., например: [Doerfer, 1965, S. 364–365; Clauson, 1972, p. 101, 387; Márton, 1998, 42–43. о.]) либо к уйгурам [Хун Юн-мин, 2010].

Так или иначе, в работах упомянутых исследователей сделано достаточно, чтобы уверенно считать *bujruq* доверенными лицами каганов или других высокопоставленных лиц, выполнявшими самые различные функции. При этом нас больше интересует та сфера, где они могли выступать как участники определенных воинских объединений, не связанных с племенной структурой, однако прямых свидетельств об этом нет.

² О. Прицак разработал даже целую концепцию возникновения кочевой империи, основой для которой были так называемые мужские союзы (Männerbünde), группировавшиеся вокруг конкретного предводителя, отношения с которым, основанные на строгой субординации, формировали механизмы централизованной организации будущего политического организма [Pritsak, 1981, p. 13–14, 17–18; Прицак, 1997, с. 79–80, 83–84].

³ Кроме отмеченных случаев упоминания «внутренних буйруков» (*ič bujruq*) в надписи Бильге кагана и Терхинской (Тариатской) надписи уйгурского Элетмиш Бильге кагана, *toquz bujruq* в последней и также Тэсийнской надписи, и указания китайских источников на шесть внешних министров (*вай цзай-сян* 外宰相) и три внутренних (*нэй цзай-сян* 内宰相) при уйгурском кагане следует добавить девять *везирей* (*wzir* [وزیر]) при кагане *токуз-огузов* (= уйгуров) Гарддүй [Бартольд, 1973, с. 32 (перс. текст), 52 (рус. перевод); Martinez, 1982, p. 134].

⁴ Есть попытки читать слово *tury(a)q-ıñ* в надписи Бильге кагана, однако здесь оно явно в ином значении [Şirin User, 2009, s. 129].

В 1984 г. вышла статья К. Бекквиса, посвященная так называемому военному рабству и попытке показать зарождение этой традиции в Центральной Азии, которую данный автор связывал с формированием института гвардии вокруг правителя, обладающего сакральным образом [Beckwith, 1984]. Несколько иначе на эту проблему смотрят другие исследователи. Следует указать на сделанное вслед за некоторыми рассуждениями К. Бекквиса [Beckwith, 1984, p. 33, 35] наблюдение Ильдико Эчеди, связанное с гибелью в Китае Се-ли 頡利 кагана в 634 г. Известно, что на свежем могильном холме Се-ли 頡利 его приближенный с титулом ху-лу да-гуань 胡祿達官 (< *uluγ tarqan?*) по имени Ту-юй-хунь-се 吐谷渾邪, бывший некогда в свите его матери и сопровождавший его с самого детства, перерезал себе горло, а находившийся на китайской службе полководец Су-ни-ши 蘇尼失, дядя Се-ли 頡利, служивший когда-то под началом Се-ли 頡利, едва узнав о смерти кагана, заколол себя. И. Эчеди связала эти два случая, как и попытку заколоться тюркского полководца А-ши-на Шэ-эр 阿史那社爾 на похоронах императора Тай-цзуна 太宗 в 649 г., которому он долго служил, с патриархальным сознанием тюрков, подразумевавшим отношения покровительства – подчинения, нашедшим отражение и в погребальной обрядности кочевников вообще, когда вслед за вождем в могилу следовали его жена, друзья, приближенные [Ecsedy, 1988, p. 9]. Сэнджэр Дивитчиоглу рассматривает этот же материал как свидетельство того, что образ жизни тюрков был значительно военизирован и отношения между членами общества различных рангов регламентировались на основе принципов подчинения и дружинной верности [Divitçioğlu, 2005, s. 181–182].

В разное время исследователями предлагалась мысль о существовании у тюрков дружинных формирований, основанных на принципе покровительства [İnan, 1948; Caferoğlu, 1952, s. 258–259 (обсуждение доклада); Ögel, 1971, с. II, s. 27, 98–100, 109–110; Osawa, 2006].

Последний из отмеченных моментов на примере широкого исторического материала исследовал П.Б. Голден, попытавшийся показать универсальный характер института *comitatus* [Golden, 2001]. Оригинальная гипотеза о природе и значении института *comitatus* у тюрков в широком контексте истории Центральной и Средней Азии, выдвинутая С. Штарком, основана лишь на субъективной трактовке фрагментарных и косвенных данных разнородных источников [Stark S., 2008, p. 240–258, 307–310, 325–327 (резюме на рус. яз.), 330, 331 (резюме на англ. яз.)]. Опасность обобщающих сопоставлений не останавливает и других исследователей. В частности, Х.И. Эроч в русле турецкой историографической традиции активно привлекает в качестве сравнительных данных материалы об уйгурах, кыпчаках, Караханидах, Сельджуках, Хорезмшахах и т.д. Достаточно неоднозначно выглядит, например, осуществленное им сопоставление древнетюркских *фу-ли* 附離 с *гулямами* Сельджуков, *кешик* монголов времен империи и *капы-кулу* Османов [Erkoç, 2008, s. 66].

Обратимся вновь к термину *är* ‘муж’, ‘мужчина’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 175; Clauson, 1972, p. 192], ‘воин’ [Berta, 1994, p. 50; Şirin User, 2009, s. 310]. Исключая некоторые марксистские перегибы, С.Г. Кляшторным было удачно показано, что в памятниках древнетюркской письменности он обозначал все свободное мужское население [Kljaštornyj, 2000, p. 155–158; Кляшторный, 2003, с. 472–476; Кляшторный, 2006, с. 467–471].

Значительный интерес представляет в этом отношении свидетельство Хушо-Цайдамских памятников и надписи Тоньюкука о возрождении Тюркского каганата после

восстания против танского правительства, когда вокруг Кутлуга собралось сначала 17 мужей (*är*), затем – 70, а после их стало 700, затем они образовали основу политического объединения [Radloff, 1895, p. 206]. По Д. Немету, это типичный пример сложения кочевнического политического союза вокруг сильной личности [Németh, 1991, s. 30–31. o.].

Наличие различных точек зрения касательно идентификации этих мужей (*är*) определяется лишь методологическими воззрениями исследователей [Бернштам, 1946, с. 128; Кляшторный, 2003, с. 98, 99–100; Юдин, 2001, с. 285, 286; Зуев, 1967, с. 70–71; Ögel, 1971, с. II, s. 109; Войтов, 1996, с. 88]. Этот несомненно значимый эпизод, указывающий на последовательность создания политической единицы путем увеличения численного состава некоей ставшей ее ядром группы людей, вместе с тем демонстрирует разнообразие трактовок имеющихся сведений. При этом следует отметить, что употребление в древнетюркских надписях числа *семь* в различных вариациях (17, 70, 700) не является достоверным и скорее связано с представлениями тюрков о его магических свойствах [Roux, 1965; Гумилев, 1967, с. 76; Ögel B., 1971, с. I, s. 37; с. II, s. 147; Рухлядев, 2005, с. 159–160].

Так или иначе, все эти цифры позволяют поставить вопрос о реальной численности войск Тюркского каганата, а также о качественном соотношении входивших в него подразделений – идет ли речь об обычном кочевническом формировании с поголовным вооружением всего мужского населения, или мы можем говорить и о наличии каких-то специальных групп воинов, которые могут быть соотнесены с военной дружиной?

В этом плане характерно употребление в Бугутской надписи времен Первого Тюркского каганата «конных воинов» (*β' r- 'k 'sp' dy- ' [n]*) (Б II, стк. 13), косвенно отделяемых от «народа», «страны» (*n' βcy- h, n' βcy- kh*) (Б II, стк. 5, 12) [Çağatay, Tezcan, 1976, s. 249; Gharib, 1995, p. 98, 94, 229]. Однако контекст не дает повода для однозначной интерпретации – имеется в виду косвенное противопоставление всего войска и подданных в целом, включающих все группы населения, или какой-то группы, связанной с военным делом, населению, лишь потенциально выступающему в качестве ополчения.

Аналогичен другой случай. В 584 г., когда Ша-бо-люэ 沙钵略 каган принимал суйское посольство, он «выстроил войска» (*чэнь-бин* 陳兵) и выставил сокровища. После того как каган согласился принять подданство (*чэнь* 臣) китайского императора, в источнике сказано, что его подданные, названные *цунь-ся* 群下, что буквально означает ‘подданные’, ‘слуги’, плакали (Суй шу, цз. 84, с. 86) [Liu Mau-tsaï, 1958, Bd. I, S. 51; Taşağıl A., 2003, s. 156]. Возможно, речь идет обо всех подданных, однако не исключено, что здесь, на встрече иноземного посольства, присутствовали наравне с представителями элиты и какие-то выходцы из более близкого кагану круга людей, непосредственно ему подчиненные.

В древнетюркских памятниках также присутствует термин *är başı*, букв. ‘предводитель эров’ – в енисейской Абаканской надписи (Е 48, стк. 11), и в сочетании *toquz jüz är başı* ‘предводитель девяти сотен эров’ и *bäs biñ är başı* ‘предводитель пяти тысяч эров’ в памятниках Уйгурского каганата [Rybatzki, 2006, S. 76–77; Şirin User, 2009, s. 254, 255]. Надо полагать, что *är başı* – это какой-то выделившийся «муж»-эр, стоявший в военной иерархии несколько выше остальных, либо, действительно, командир какой-то особой группы этих самых «мужей». Возможно, здесь мы имеем косвенные свидетельства о существовании каких-то групп мужского населения, более близких к предводителям, нежели простые ополченцы-эры.

С.Г. Кляшторный, рассматривая материалы енисейских эпитафий, сопоставил употребление отдельных сочетаний с собственной трактовкой терминов – *jüz qadaş-ım* «сотня моих дружинников-побратимов» (Е 49, стк. 1), *jüz inal qadaş-ım* «сотня Ыналовых дру-

жинников-побратимов», *jüz är qadaş-ım* как «сотня моих воинов побратимов» (Е 42, стк. 8), *antlıq adaş-ım* «мои соратники, связанные клятвой (побратимства)» и *antsiz ädgü eş-ım* «мои сотоварищи, не связанные клятвой (побратимства)» (Е 11, стк. 11), – и сделал вывод о «делении войска на княжескую дружину, состоящую из воинов-побратимов, и ополчение мужей-воинов (эров)» [Кляшторный, 2013, с. 224–225]. Ю.А. Зуев, также исходивший из собственной трактовки и оригинальной этимологизации слова *qadaş*, рассматривал все сочетания *jüz qadaş*, *jüz är qadaş*, *jüz inal qadaş* как некие «дружины-сотни», сравнивая их со «среднеазиатскими чакирами, гвардией при замках согдийских дикхан» [Зуев, 1998, с. 58–59]. Однако, если указание на институт побратимства едва ли может быть поставлено под сомнение [Tuna, 1988, s. 68–69; Кормушин, 1997, с. 275; Кормушин, 2008, с. 20], сама интерпретация терминов здесь является дискуссионной.

И.В. Кормушин обращает внимание на то, что, когда в енисейских памятниках идет речь об убитых «мужах» врага, приводятся достаточно круглые цифры (9, 30, 40, 50, 59, 70, 100, 150 и др.) [Кормушин, 2008, с. 307–308]. Поэтому исследователь считает, что здесь подразумеваются именно дружинники, а не простые воины [Кормушин, 2008, с. 285]. В енисейских эпитафиях множество раз встречаются фразы, где указывается, что мемориант наряду с соплеменниками (*qadaş*) тоскует по «мужам» [Кормушин, 2008, с. 281]. В одной эпитафии знатного бега Уйбат-VI (Е 98, стк. 2) сказано: «Сорок воинов без отца остались» (*qırq ärig qansız qüldi[...]*), т.е. «осиротели» [Кормушин, 1997, с. 121, 122; 2008, с. 157–158, 276] (ср. [Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 187, 188]). Эта формулировка косвенно указывает на патриархальный характер зависимости «мужей» от бега.

В этом отношении следует вернуться к орхонским памятникам, где не раз звучит напоминание Бильге кагана о том, что он заботится о народе, что он обогатил народ, накормил его. Как показал Й. Уилкенс, фрагменты, где декларируются такие действия со стороны верховного правителя, как забота о народе, его насыщение, его возвышение, являются проявлением расхожего топоса, характерного для кочевнической традиции [Wilkens, 2011]. При этом взамен каган требует лишь покорности [Kljaštornyj, 2000, p. 155; Кляшторный, 2003, с. 472; Кляшторный, 2006, с. 467]. Как метко выразился Л.Н. Гумилев, «покорность в степи – понятие взаимообязывающее» [Гумилев, 1967, с. 27]. Такой же принцип покровительства в обмен на службу должен находить отражение и во взаимоотношениях господина и его дружинников.

Интересно, что персидский географ XI в. Гардүзӣ и арабский врач XII в. Марвазӣ упоминают дружину (Гардүзӣ: *čākar*, Марвазӣ: *shākiri*) в тысячу человек у кагана *токуз-огузов* (здесь – *уйгуров*), которую за службу он должен был кормить и поить три раза в день [Бартольд, 1973, с. 32 (перс. текст), 52 (рус. перевод); Martinez, 1982, p. 134; Sharaf al-Zamān Tāhir, 1942, p. 29 (англ. перевод), 43, *18 (ар. текст)].

Это типичный случай, когда покровитель обеспечивал слугам пропитание и комфорт, они же платили ему за это верностью. Как гласит пословица, приводимая Махмудом ал-Қашгарӣ:

*taʼvar kimniñ üklisä
bäglik aṇar käreǵäjür
taʼvarsizin qalip bāg
äränsizin ämgäjür*

‘у кого много имущества, тому более подобает быть бегом, чем кому-то другому. Если бег останется с пустыми руками, ему будет трудно собрать людей, так как они идут к нему ради имущества’ [Махмуд ал-Қашгарӣ, 2010, с. 303].

В «Китаб-и дэдэм Коркут» излагается мудрость: «Не губив своего имущества, человеку не прославить себя» [Книга моего деда Коркута..., 1962, с. 11; *Kitabi-Dədə*

Qorqud..., 2004, s. 20, 173]⁵. Щедрость, проявлявшаяся в организации различных роскошных публичных мероприятий с угощениями, как отмечает С.Е. Толыбеков, укрепляла авторитет скотовода в глазах более бедных членов общины [Толыбеков, 1959, с. 95, 96–98]. Так, в алтайском эпосе герой становится ханом, как только у него появляются скот и подданные [Трепавлов, 1989, с. 129]. Щедрость ханов по отношению к дружинникам и подданным воспевается в тюрко-монгольском эпосе повсеместно [Липец, 1984, с. 27–29].

Однако весь имеющийся материал по древнетюркской эпохе, в сущности, не представляет собой целостной картины. Р.С. Липец в свое время отметила применительно к эпосу зависимость интерпретации материала о дружинниках от методологических установок исследователя, работающего с этим материалом, – т.е. можно считать их частью привилегированного слоя, служилыми людьми или вовсе «военными рабами» [Липец, 1984, с. 11].

Теоретически для выделения некоторой находившейся на содержании группы людей, специализирующейся только на военных делах, покровитель должен был иметь в своем хозяйстве достаточно рабочих рук, чтобы обеспечить его существование. При их помощи он мог поднимать свой социальный престиж, поскольку имел возможность использовать их как аппарат внеэкономического принуждения, обеспечивая тем самым закрепление внутренней эксплуатации в общине, а также при помощи дружины путем захвата расширять территорию своих пастбищных угодий, увеличивать поголовье скота и соответственно число зависимых людей. Это требовало наличия определенных источников получения продукции, которую справедливо назвать «прибавочной», и благ. Однако данный аспект выводит нас на поиск ответов на более широкие вопросы: располагали ли древнетюркские общества такими источниками и какие конкретно объединения кочевников (тюрки, уйгуры, кыркызы и др.), какими источниками и в какой конкретно исторический период? Это составляет предмет отдельного исследования, поэтому здесь мы ограничимся лишь выводами, вытекающими из конкретного материала.

Рассматривая материалы по древнетюркской эпохе, мы располагаем следующими данными:

- 1) факт существования некоей стражи (гвардии? телохранителей?) у восточнотюркских, западнотюркских и уйгурских каганов;
- 2) косвенные данные о существовании у тюрков «дружинной идеологии», заключающейся в верном служении покровителю;
- 3) сведения о существовании у уйгуров и авторов енисейских рунических надписей (кыркызов?) войсковой иерархии;
- 4) наличие данных о «типичной» дружине (кормящейся во время застолий) у уйгурского кагана.

Важно отметить и то обстоятельство, что эти данные относятся к различным хронологическим отрезкам и территориальным образованиям. Не исключено, что упомянутая стража восточнотюркских, западнотюркских и уйгурских каганов характеризовалась различной природой, будь то личная дружина в классическом понимании, связанная узами верности с конкретным каганом, либо сформировавшийся институт наподобие монгольских *кешиктенов*. Имеющиеся данные не дают никаких оснований для заключений об источниках и механизмах пополнения данной группы, лишь условно именуемой «дружиной», или групп в каждом частном случае. Также только теоретически, вслед за некоторыми исследователями, можно допустить трансформацию дружинников в особый слой служилой аристократии, который стремятся видеть в *buj(u)ruq*.

⁵ В.В. Бартольд напрасно добавляет в скобках «щедростью».

АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Некоторые возможности изучения вопроса о существовании дружины у тюрков Центральной Азии предоставляет анализ археологических материалов. При этом опыт системной работы в указанном направлении также до сих пор не предпринимался. В отдельных публикациях лишь обозначены частные аспекты рассмотрения результатов раскопок погребальных и поминальных комплексов, изученных в различных частях Центральноазиатского региона. Чаще всего специалистами высказывалось предположение о том, что конкретный объект (чаще всего захоронение) принадлежал профессиональному воину или командующему воинским объединением различного уровня [Овчинникова, 1982, с. 217; Овчинникова, 1984, с. 220–221; Савинов, 1987, с. 89; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 137–145; и др.]. Семь групп тюркских памятников Алтая, соответствующих различным военно-иерархическим уровням, выделил В.В. Горбунов [Горбунов, 2007, с. 85–86]. Ранее исследователь указывал, что к дружине тюрков могут быть отнесены первые две группы объектов, сопоставленные с рядовыми воинами и десятниками [Горбунов, 2006, с. 39]. Некоторые возможности характеристики «дружинных» погребений раннего средневековья представил С.А. Васютин [Васютин, 2016], обратившись к опыту анализа археологических памятников скифо-сакского времени, а также кратко охарактеризовав информацию из письменных источников.

Имеющийся опыт исследователей имеет большое значение при определении эффективной программы изучения довольно обширных источников для решения вопроса о возможности существования у тюрков дружины или слоя профессиональных воинов. Вместе с тем следует отметить, что наиболее перспективным представляется ранее не предпринимавшийся системный анализ всех имеющихся материалов в одной системе координат. Контекстуальный подход, предполагающий отдельное рассмотрение конкретных объектов, также возможен, но скорее при более детальной интерпретации уже полученных результатов.

Наиболее полная картина дифференциации общества тюрков Центральной Азии фиксируется по материалам мужских захоронений [Серегин, 2013, с. 99–103]. Основным показателем, различающим выделенные модели погребений, являлось соотношение предметов сопроводительного инвентаря, включенных в «комплекс власти» (редкое оружие, плетень, котел и др.) и «комплекс богатства» (торевтика, импорт); менее важными были такие характеристики обряда, как количество лошадей и размеры наземных и внутримогильных сооружений. Всего выделено девять социально-типологических моделей мужских погребений. В рамках настоящего очерка важно, что некоторые из этих групп объектов демонстрируют довольно устойчивый набор признаков, который дает основания связывать их с захоронениями профессиональных воинов различного уровня. Охарактеризуем эти объекты более подробно⁶.

Модель II. В ходе исследования погребений, отнесенных ко второй модели, зафиксировано сочетание редких предметов вооружения (клинковое оружие ближнего боя, топор, защитный доспех) с предметами торевтики, изготовленными в большинстве случаев с использованием драгоценных металлов. Почти во всех могилах второй группы отмечены фрагменты шелка. Более редкими являлись находки стеков (два случая), а также металлического сосуда и железного котла, встреченных по одному разу. В целом качест-

⁶ В рамках изучения археологических материалов учитывались результаты раскопок более 450 тюркских погребений, исследованных в различных частях Центральноазиатского региона. При этом для детального анализа объектов была сформирована специальная выборка, включавшая захоронения, о которых имелись все необходимые сведения. В итоге рассматривались 133 мужские могилы, раскопанные на Алтае, в Туве и Минусинской котловине [Серегин, 2013, с. 49–50]. Количественные показатели, характеризующие выделенные модели погребений, приведены с учетом этих данных.

венный и количественный состав сопроводительного инвентаря рассматриваемых объектов уступает вещевому комплексу, обнаруженному в памятниках, отнесенных к первой модели и связываемых с региональной элитой высшего уровня. Кроме того, в могилах второй группы чаще всего присутствовала одна лошадь, и только дважды исследованы погребения с двумя захороненными животными. По размерам наземных и подкурганых конструкций объекты выделяются только в рамках отдельных некрополей, и то не во всех случаях. Ко второй социально-типологической модели отнесены семь погребений (5.25% от общего количества рассматриваемых объектов). Отметим, что помимо «стандартных» комплексов в данную группу включены два кенотафа.

Одним из наиболее характерных объектов, демонстрирующих обозначенный набор показателей, является погребение кургана № 85 некрополя Кара-Коба-I [Могильников, 1997, с. 187–202, рис. 1–9]. В результате исследования данного объекта зафиксировано захоронение молодого воина в сопровождении двух лошадей. В состав инвентаря могилы входили комплект предметов вооружения (меч, лук со стрелами), богато оформленный пояс, плеть, а также другие изделия.

Модель V. Объекты, объединенные в рамках этой модели, сходны по разнообразному составу вооружения с погребениями группы, однако характеризуются более скромным набором предметов торевтики. Во всех могилах зафиксировано присутствие наборного пояса либо украшений конского снаряжения, элементы которых изготовлены из бронзы. Достаточно редкими были находки фрагментов шелка, и только в одном случае встречен серебряный сосуд. Умершего чаще всего сопровождало одно животное, в четырех могилах зафиксировано захоронение двух лошадей. Пятая социально-типологическая модель включает 12 (9%) погребений, в числе которых два кенотафа.

Примером комплекса, отнесенного к данной модели, является погребение кургана № 5 некрополя Усть-Бийке-III [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 58–66, рис. 22–28]. Раскопки данного объекта позволили обнаружить могилу воина 45–50 лет, захороненного в сопровождении лошади. Инвентарь погребения включал предметы вооружения (меч, лук со стрелами), элементы пояса, изготовленные из бронзы, а также другие изделия.

Модель VI. К этой модели относятся погребения, основной отличительной характеристикой которых является разнообразный состав вооружения, предполагавший, почти во всех случаях, наличие клинкового оружия ближнего боя и, значительно реже, копья и защитного доспеха в сочетании с полным отсутствием предметов торевтики и других вещей, включенных в «комплекс богатства». Во всех могилах присутствовало конское снаряжение. Умерших сопровождало чаще всего одно животное; дважды отмечено парное захоронение лошадей. В рамках шестой социально-типологической модели объединены семь (5.25%) погребений, в том числе два кенотафа.

Обозначенным характеристикам соответствует погребение воина, исследованное в ходе раскопок одиночного кургана некрополя Ябоган [Кочеев, Суразаков, 1994, с. 70–75, рис. 1–7]. В могиле зафиксировано захоронение лошади и сопроводительный инвентарь – предметы вооружения (меч, лук, наконечники стрел), а также немногочисленные бытовые изделия и конское снаряжение.

Довольно перспективным представляется анализ отдельных случаев реализации обрядовой практики, зафиксированных в материалах раскопок тюркских некрополей Центральной Азии. К примеру, показательными являются результаты изучения парных кенотафов, составляющих отдельную группу «пустых могил» [СерEGIN, 2015, с. 49]. Специфика объектов заключается в том, что кенотаф предназначался для двух мужчин-воинов. Об этом свидетельствуют наборы сопроводительного инвентаря, наличие двух лошадей, а также другие элементы ритуала. «Парные» кенотафы встречены при исследовании двух памятников тюрков на Алтае [Гаврилова, 1965, с. 27, табл. XXIII, XXIV; Савинов, 1982, рис. 2, 5]. Интересной особенностью указанных объектов является разное

социальное положение предполагаемых погребенных. Наиболее ярко эта черта прослеживается в составе сопроводительного инвентаря из кургана № 2 могильника Узунтал-I, анализ которого позволил Д.Г. Савинову [Савинов, 1982, с. 120] предположить, что кенотаф был сооружен в честь знатного воина, принадлежавшего к дружинной аристократии, и его спутника.

Обратим внимание на то, что в рамках обозначенных трех групп объединены 26 погребений, что составляет чуть менее 20% мужских захоронений, включенных в выборку. Очевидно, что полученная картина может рассматриваться лишь как некое условное отражение существовавшей исторической ситуации и демонстрировать основные тенденции существования общества тюрок. Вместе с тем приведенные результаты анализа археологических материалов показывают, что даже в милитаризованном обществе кочевников довольно отчетливо выделяются объекты, иллюстрирующие различные уровни в структуре слоя профессиональных воинов или дружинников. Учитывая неизбежную условность итогов анализа археологических материалов, соотносить выделенные группы с конкретными позициями войска тюрок представляется достаточно необоснованным. Более важно то, что эти комплексы показывают сложность общества кочевников, не только включавшего различные уровни иерархии, но и предполагавшего дифференциацию по профессиональному принципу, по крайней мере, на своего рода «чиновников-управленцев» и кочевников, профессионально занимавшихся военным делом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бартольд В.В. <Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбār*> Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.». Бартольд В.В. *Сочинения*. В 9 т. Т. VIII. *Работы по источниковедению*. М.: Наука, 1973. С. 23–62.

Бартольд В.В. [Рец. на:] Léon Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. Paris, 1896. Бартольд В.В. *Сочинения*. В 9 т. Т. V. *Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. М.: Наука, 1968. С. 238–252.

Баттулга Ц. *Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд*. Улаанбаатар, 2005. Тэргүүн дэвтэр.

Бернштам А.Н. *Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы*. М.–Л.: АН СССР, 1946.

Васютин С.А. «Дружинные погребения»: критерии и интерпретации (на примере раннесредневековых памятников Саяно-Алтая и Центральной Азии). *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): мат-лы междунар. конф.* Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 19–23.

Войтов В.Е. *Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв.* М.: ГМБ, 1996.

Гаврилова А.А. *Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен*. М.–Л.: Наука, 1965.

Голден П. Тюрки-хазары – гулямы на службе у халифов. *Хазары*. Ред. кол.: В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Иерусалим – Москва: Гешарим; Мосты культуры, 2005. С. 458–482.

Горбунов В.В. *Военное дело средневекового населения Алтая (III–XIV вв. н.э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук*. Барнаул, 2006.

Горбунов В.В. Военное искусство алтайских тюрок в раннем средневековье. *Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии*. Отв. ред. Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 85–98.

Гумилев Л.Н. *Древние тюрки*. М.: Наука, 1967.

Древнетюркский словарь. Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969.

Зув Ю.А. *Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрок: дис. ... канд. ист. наук*. Алма-Ата, 1967.

Зуев Ю.А. О формах этносоциальной организации народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, Сотня. *Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья)*. Отв. ред. Н.Ж. Шаханова. Алматы, 1998. С. 49–100.

Зуев Ю.А. *Ранние тюрки: очерки истории и идеологии*. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

Камалов А.К. *Древние уйгуры VIII–IX вв.* Алматы: Изд. дом «Наш мир», 2001.

Кляшторный С.Г. Вторая Бай-Булунская стела. *Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции)*. Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 223–229.

Кляшторный С.Г. *История Центральной Азии и памятники рунического письма*. СПб.: Филол. фак-т СПб.ГУ, 2003.

Кляшторный С.Г. *Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии*. СПб.: Наука, 2006.

Кляшторный С.Г. *Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей*. СПб.: Петерб. востоковедение, 2010.

Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Пер. В.В. Бартольда. М.–Л.: АН СССР, 1962.

Кормушин И.В. *Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования*. М.: Наука, 1997.

Кормушин И.В. *Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология*. М.: Наука, 2008.

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган I и II. *Археологические и фольклорные источники по истории Алтая*. Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 70–81.

Кычанов Е.И. *История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гунов до маньчжуров)*. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургск. лингвистическ. общ-во, 2010.

Липец Р.С. *Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе*. М.: Наука, 1984.

Махмуд ал-Кашгарӣ. *Дивāн Лұғāt ат-Турк (Свод тюркских слов)*. Пер. с арабск. А.Р. Рустамова; под ред. И.В. Кормушина; прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. Т. 1. М.: Восточная литература РАН, 2010.

Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. С двумя таблицами надписей. *Записки Восточного отделения Русского археологического общества*. 1899. Т. XII. Вып. II–III. С. 1–144.

Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе. *Источники по истории Республики Алтай*. Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: Изд-во ГАИГИ, 1997. С. 187–234.

Овчинникова Б.Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве. *Древний и средневековый Восток. История и филология (проблемы источниковедения)*. Отв. ред. Д.Д. Васильев, С.В. Волков. М.: Наука, 1984. С. 215–223.

Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве. *Советская археология*. 1982. № 3. С. 210–218.

Прицак О. *Походження Русі*. Т. 1. *Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг)*. Київ: Обереги, 1997.

Рухлядев Д.В. *Древнетюркские рунические надписи VIII–IX вв. как памятник историографии: генезис жанра и структура текста: дис. ... канд. ист. наук*. СПб., 2005.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры). *Археология Северной Азии*. Отв. ред. А.К. Конопацкий, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени. *Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири*. Отв. ред. Н.А. Томилов. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 80–89.

Серегин Н.Н. *Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов)*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.

Серегин Н.Н. «Символические» захоронения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2015. № 1(28). С. 47–55.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. *Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай)*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005.

Толыбеков С.Е. *Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX веках*. Алма-Ата: Казах. гос. изд-во, 1959.

Трепавлов В.В. Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности. *Фольклорное наследие Горного Алтая*. Отв. ред. В.И. Эдоков. Горно-Алтайск, 1989. С. 125–171.

Юдин В.П. Рец. на «Древнетюркские рунические памятники...» С.Г. Кляшторного. Юдин В.П. *Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда*. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 271–285.

Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. Radloff W. *Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei*. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold: Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1897. Pp. 1–36.

Beckwith Ch. Aspects of the Early History of the Central Asian Guard Corps in Islam. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1984. T. IV. Pp. 29–43.

Berta Á. Die Verteilung der Militärischen Termini in den Runeninschriften. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1994. Vol. XLVII. № 1/2. Pp. 49–56.

Caferoğlu A. Türk tarihinde 'Nöker' ve 'Nöker-zâdele' müessesesi. *IV. Türk Tarih Kongresi, Ankara 10–14 Kasım 1948. Kongreye sunulan tebliğler*. İstanbul: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1952. Pp. 251–261.

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972.

Clauson G. Turks and Wolves. *Studia Orientalia Edidit Societas Orientalis Fennica*. 1964. T. XXVIII. Fasc. 2. Pp. 3–22.

Çağatay S., Tezcan S. Köktürk tarihinin önemli bir belgesi: Sogutça Bugut yazıtı. *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1975–1976*. Ankara, 1976. Pp. 245–252.

Divitçioğlu S. *Orta-Asya Türk İmparatorluğu VI.–VIII. Yüzyıllar. Kök Türkler'in Yenilenmiş 3. baskısı*. Ankara: İmge Kitabevi, 2005.

Dobrovits M. Buyruq: egy ötörök tisztségnév anatómiája. *Acta Universitatis Szegediensis. Acta Universitatis Szegediensis: Acta Historica*. 2002. T. CXII. 49–62. o.

Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1965. Bd. II. *Türkische Elemente im Neupersischen*.

Donuk A. *Eski Türk Devletlerinde İdarî-askerî Ünvan ve Terimler*. İstanbul: Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 1988.

Ecsedy I. A Note on "Slavery" in the Turk Rulers' Burial Customs. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1988. T. XLII. Fasc. 1. Pp. 3–16.

Erkoç H.İ. *Eski Türklerde Devlet Teşkilâtı (Gök Türk Dönemi): Hacettepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Basılmamış Yüksek Lisans Tezi*. Ankara, 2008.

Gharib B. *Sogdian dictionary: Sogdian–Persian–English*. Tehran: Farhangian Publications, 1995.

Giraud R. *L'Empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680–734). Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale*. Illustré de 4 cartes en hors texte. P.: Librairie d'Amerique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1960.

Golden P. Some Notes on the "Comitatus" in Medieval Eurasia with Special Reference to the Khazars. *Russian History*. 2001. Vol. 28. No. 1/4. *Festschrift for Thomas S. Noonan: January 20, 1938 – June 15, 2001*. Pp. 153–170

Gökalp Z. Türklerde Milli İktisat Devreleri. Gökalp Z. *Makaleler VIII*. Hazırlayan: F. Rağıp Tuncor. Ankara: Gündüz Matbaası, 1981. Pp. 88–96.

Györfly G. Die Rolle des *buyruq* in der alttürkischen Gesellschaft. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1960. T. XI. Pp. 169–179.

İnan A. Göçebe Türk Boylarında Evlâtlık Müesseseleriyle İlgili Gelenekler. *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*. 1948. Cilt VI. Sayı 3. Pp. 127–137.

Kasai Yukiyo. Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥. "Die Wunder der Schöpfung". *Mensch und Natur in der türksprachigen Welt*. Hgs. B. Heuer, B. Kellner-Heinkele, C. Schöning. Würzburg: Ergon-Verlag, 2012. Pp. 81–141.

Kasai Yukiyo. The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th – 9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥. 内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia gengo no kenkyū]. *Studies on the Inner Asian languages*. 2014. Vol. XXIX. Pp. 57–135.

Kitabi-Dədə Qorqud. Əsil və sadələşdirilmiş mətnlər / Tərtib edəni: S. Əlizadə; nəşrə hazırlayanı və redaktoru T. Hacıev. Bakı: Öndər nəşriyyat, 2004.

Kljaštornyj S.G. Les Points Litigieux dans l'Histoire des Turcs Anciens. *History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period*. Ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2000. Pp. 146–176.

Krader L. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague: Mouton & Co., 1963.

Liu Mau-tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. I. Buch. *Texte*; II. Buch. *Anmerkungen, Anhänge, Index*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958.

Martinez A.P. Gardīzī's Two Chapters on the Turks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. T. II. Pp. 109–217.

Márton A. A katonai kíséret és az ótörök *bujruk* tisztségnév viszonya a kora-középkori steppe. *Acta Universitatis Szegediensis: Acta Historica*. 1998. T. 106. 38–44. o.

Németh Gy. *A honfoglaló Magyarság kialakulása*. Közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991.

Osawa T. Aspects of the Old Turkic Social System Based on Fictitious Kinship (the analysis of the term <kul (slave)> in the Orkhon-Yenisei epitaphs). *Kinship in the Altaic World (Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference, Moscow 10–15 July, 2005)*. Ed. by E.V. Boikova, R.B. Rybakov. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. Pp. 219–230.

Ögel B. *Türk Kültürünün Gelişme Çağları*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1971. Cilt 1–2.

Pritsak O. *The Origin of Rus'*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1981. Vol. 1. *Old Scandinavian Sources other than the Sagas*.

Pritsak O. The Slavs and the Avars. *Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto Medioevo, 15–21 aprile 1982*. Spoleto: Presso la Sede del Centro, 1983. T. I. Pp. 353–435.

Radloff W. *Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei*. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1895. III. Lief.

Roux J.-P. Les chiffres symboliques 7 et 9 chez les Turcs non musulmans. *Revue de l'histoire des religions*. 1965. Vol. 168. Nu. 1. Pp. 29–53.

Rybatzki V. *Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung*. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006.

Sharaf al-Zamān Tāhir. *Marvazī on China, Turks and India*. Arabic Text (circa A.D. 1120) with the English translation and commentary by V. Minorsky. London: The Royal Asiatic Society, 1942.

Sinor D. The Legendary Origin of the Türks. *Folklorica: Festschrift for Felix J. Oinas* / Ed. by E.V. Žygas, P. Voorheis. Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1982. Pp. 223–257.

Stark S. *Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien*. *Archäologische und historische Studien*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2008.

Szűcs J. *Nemzet és történelem: Tanulmányok*. 3. Kiadás. Budapest: Gondolat Kiadó, 1984.

Szűcs J. "Gentilizmus". *A barbár etnikai tudat kérdése (Knadidátusi ért. téz.)*. Budapest, 1971.

Şirin User H. Eski Türkçede Bazı Unvanların Yapısı Üzerine. *Bilig Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi*. 2006. Sayı 39. Pp. 219–236.

Şirin User H. *Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları*. Söz Varlığı İncelemesi. Konya: Kömen Yayınları, 2009.

Taşağıl A. *Gök-Türkler I*. 2. bk. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2003.

Thomsen V. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung (Ausg. von H. Schaeder). *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1924. Bd. 78. S. 121–175.

Thomsen V. Moğolistan'daki Türkçe Kitabeler. *Türkiyat Mecmuası*. 1935. Cilt III. Pp. 81–118.

Tuna O.N. Bazı İmlâ Geleneği Bunların Metin İncelemelerindeki Önemi ve Orhon Yazıtları'nda Birkaç Açıklama. *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1957*. 2. baskı. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1988. Pp. 41–81.

Vásáry I. Nép és ország a türköknél. *Nomád társadalom és államalakulatok (Tanulmányok)*. Szerk.: F. Tökei. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1983. 189–213. o.

Wilkens J. Remarks on a Topos in the Orkhon Inscriptions. *Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1290 Yılı (720–2010), 3–5 Aralık 2010, İstanbul: Bildiriler. From Ötüken to İstanbul, 1290 Years of Turkish (720–2010), 3th – 5th December 2010, İstanbul: Papers.* İstanbul: İstanbul Büyükşehir Belediyesi, 2011. Pp. 255–274.

Yıldırım F., Aydın E., Alimov R. *Yenisey–Kırgızistan Yazıtları ve İlk Bitig*. Ankara: BilgeSu, 2013.

Yoshida Y. Some New Readings in the Sogdian Version of Karabalgasun Inscription. *Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1290 Yılı (720–2010), 3–5 Aralık 2010, İstanbul: Bildiriler. From Ötüken to İstanbul, 1290 Years of Turkish (720–2010), 3th – 5th December 2010, İstanbul: Papers.* İstanbul: İstanbul Büyükşehir Belediyesi, 2011. Pp. 77–86.

Хун Юн-мин [洪勇明]. Гу-дай ту-цзюэ вэнь «Су-цзи бэй» синь-ши [古代突厥文《苏吉碑》新释]. *Чжун-ян Минь-цзу да-сюэ сюэ-бао (чжэ-сюэ шэ-хуэй кэ-сюэ бань)* [中央民族大学学报(哲学社会科学版)]. 2010. 1 цз. 37 цз. (чжун ди 188). С. 122–128 [第1期. 第37卷 (总第188期) 122–128页].

REFERENCES

Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. Radloff W. *Die Altürkischen Inschriften der Mongolei*, Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold: Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1897. Pp. 1–36.

Bartol'd V.V. <Izvyechenie iz sochineniia Gardizi Zain al-ahbār> Prilozhenie k “Otchetu o poezdke v Sredniuiu Aziiu s nauchnoiui tsel’iu. 1893–1894 gg.” Bartol'd V.V. *Sochineniia*. V 9 t. Vol. 8. *Raboty po istochnikovedeniiu*. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 23–62.

Bartol'd V.V. [Review on] Léon Cahun, Introduction á l’histoire de l’Asie. Turcs et Mongols des origines á 1405. Paris, 1896. Bartol'd V.V. *Sochineniia*. V 9 t. Vol. 5. *Raboty po istorii i filologii tiurkskikh i mongol'skikh narodov* Moscow: Nauka, 1968. Pp. 238–252.

Battulga Ts. *Mongolyn rüni bichgiin бага дурсгалууд*. Ulaanbaatar, 2005, *terg üün devter*.

Beckwith Ch. Aspects of the Early History of the Central Asian Guard Corps in Islam. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. T. 4. 1984. Pp. 29–43.

Bernshtam A.N. *Sotsial’no-ekonomicheskii stroi orkhono-eniseiskikh tiurok 6–8 vv. Vostochno-tiurkskii kaganat i kyrgyzy*. Moscow – Leningrad: AN SSSR, 1946.

Berta A. Die Verteilung der Militärischen Termini in den Runeninschriften. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1994, vol. 47, no 1/2. Pp. 49–56.

Caferoğlu A. Türk tarihinde ‘Nöker’ ve ‘Nöker-zâdeler’ müessesesi. *IV. Türk Tarih Kongresi, Ankara 10–14 Kasım 1948. Kongreye sunulan tebliğler*. İstanbul: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1952. Pp. 251–261.

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972.

Clauson G. Turks and Wolves. *Studia Orientalia Edidit Societas Orientalis Fennica*, 1964, t. 28, fasc. 2. Pp. 3–22.

Çağatay S., Tezcan S. Köktürk tarihinin önemli bir belgesi: Sogutça Bugut yazıtı. *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1975–1976*. Ankara, 1976. Pp. 245–252.

Divitçioğlu S. *Orta-Asya Türk İmparatorluğu VI.–VIII. Yüzyıllar. Kök Türkler’in Yenilenmiş 3. baskısı*. Ankara: İmge Kitabevi, 2005.

Dobrovits M. Buyruq: egy ötörök tisztségnév anatómiája. *Acta Universitatis Szegediensis. Acta Universitatis Szegediensis: Acta Historica*, 2002, T. 112. Pp. 49–62.

Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Bd. II. *Türkische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1965.

Donuk A. *Eski Türk Devletlerinde İdarî-askerî Ünvan ve Terimler*. İstanbul: Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 1988.

Drevnetiurkskii slovar’, eds. V.M. Nadeliaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak. Lenin-grad: Nauka, 1969.

Ecsedy I. A Note on “Slavery” in the Turk Rulers’ Burial Customs. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 42, fasc. 1. 1988. Pp. 3–16.

Erkoç H.İ. *Eski Türklerde Devlet Teşkilâtı (Gök Türk Dönemi): Hacettepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Basılmamış Yüksek Lisans Tezi*. Ankara, 2008.

Gavrilova A.A. Mogil’nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965.

Gharib B. *Sogdian dictionary: Sogdian–Persian–English*. Tehran: Farhang Publications, 1995.

Giraud R. *L’Empire des Turcs Célestes. Les règnes d’Elterich, Qapghan et Bilgä (680–734). Contribution à l’histoire des Turcs d’Asie Centrale*. Illustré de 4 cartes en hors texte. Paris: Librairie d’Amérique et d’Orient Adrien-Maisonneuve, 1960.

Golden P. Some Notes on the “Comitatus” in Medieval Eurasia with Special Reference to the Khazars. *Russian History*, 2001, vol. 28, no. 1/4. *Festschrift for Thomas S. Noonan: January 20, 1938 – June 15, 2001*. Pp. 153–170.

Golden P. Tiurki-khazary – guliamy na sluzhbe u khalifov. *Khazary*, eds. V. Petrukhin, V. Moskovich, A. Fedorchuk, A. Kulik, D. Shapira. Jerusalem – Moscow: Gesarim; Mosty kul’tury, 2005. Pp. 458–482.

Gorbunov V.V. *Voennoe delo srednevekovogo naseleniia Altaia (3–14 vv. n.e.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk*. Barnaul, 2006.

Gorbunov V.V. Voennoe iskusstvo altaiskikh tiurok v rannem srednevekov’e. *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral’noi Azii*, ed. Iu.S. Khudiakov, S.G. Skobelev. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 2007. Pp. 85–98.

Gökalp Z. Türklerde Milli İktisat Devreleri. Gökalp Z. *Makaleler VIII*. Ed. F. Rağıp Tuncor. Ankara: Gündüz Matbaası, 1981. Pp. 88–96.

Györffy G. Die Rolle des *buyruq* in der alttürkischen Gesellschaft. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 11. 1960. Pp. 169–179.

Gumilev L.N. *Drevnie tiurki*. Moscow: Nauka, 1967.

Hóng Yǒngmíng [洪勇明]. Gǔdài tūjué wén “sūjī bēi” xīnshì [古代突厥文《苏吉碑》新释]. *Zhōngyāng mínzú dàxué xuébào (zhéxué shèhuì kēxué bǎn)* [中央民族大学学报(哲学社会科学版)]. 2010 Nián. Dì 1 qī. Dì 37 juǎn (zǒng dì 188 qī). Pp. 122–128 [第 1 期. 第 37 卷 (总第 188 期). 122–128 页].

Iudin V.P. Retsenziia na “Drevnetiurkskie runicheskie pamiatniki...” S.G. Kliashornogo. Iudin V.P. *Tsentral’naia Azia v 14–18 vekakh glazami vostokoveda*. Almaty: Daik-Press, 2001. Pp. 271–285.

İnan A. Göçebe Türk Boylarında Evlâtlık Müesseseleriyle İlgili Gelenekler. *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*. T. 6, vol. 3. 1948. Pp. 127–137.

Kamalov A.K. *Drevnie uigury 8–9 vv.* Almaty: Izd. dom “Nash mir”, 2001.

Kasai Yukiyo. Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥. “Die Wunder der Schöpfung”. *Mensch und Natur in der türkischsprachigen Welt*, eds. B. Heuer, B. Kellner-Heinkele, C. Schöning. Würzburg: Ergon-Verlag, 2012. Pp. 81–141.

Kasai Yukiyo. The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th – 9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥. 内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia gengo no kenkyū] / *Studies on the Inner Asian languages*. Vol. 29. 2014. Pp. 57–135.

Kitabi-Dədə Qorqud. Əsil və sadələşdirilmiş mətnlər. Comp. S. Əlizadə; ed. T. Hacıev. Bakı: Öndər nəşriyyat, 2004.

Kliashornyj S.G. Les Points Litigieux dans l’Histoire des Turcs Anciens. *History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period*. Ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2000. Pp. 146–176.

Kliashornyi S.G. *Istoriia Tsentral’noi Azii i pamiatniki runicheskogo pis’ma*. St. Petersburg: Filological faculty of SPb.GU, 2003.

Kliashornyi S.G. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis’mennosti i etnokul’turnaia istoriia Tsentral’noi Azii*. Saint Petersburg: Nauka, 2006.

Kliashornyi S.G. *Runicheskie pamiatniki Uigurskogo kaganata i istoriia evraziiskikh stepi*. Saint Petersburg: Peterburgskoie vostokovedenie, 2010.

- Kliashtornyi S.G. Vtoraia Bai-Bulunskaia stela. *Drevnie tiurki v Tsentral'noi Tuve (po materialam rabot Saiano-Tuvinskoi ekspeditsii)*. Ed. D.G. Savinov. St. Petersburg: ElekSis, 2013. Pp. 223–229.
- Kniga moego deda Korkuta. Oguzskii geroicheskii epos*. Transl. V.V. Bartol'd. Moscow – Leningrad: AN SSSR, 1962.
- Kormushin I.V. *Tiurkskie eniseiskie epitafii. Teksty i issledovaniia*. Moscow: Nauka, 1997.
- Kormushin I.V. *Tiurkskie eniseiskie epitafii. Grammatika, tekstologiya*. Moscow: Nauka, 2008.
- Kocheev V.A., Surazakov A.S. Kurgany mogil'nikov Iabogan I i II. *Arkheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaia*. Ed. A.S. Surazakov. Gorno-Altai: GANIILaL, 1994. Pp. 70–81.
- Krader L. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague: Mouton & Co., 1963.
- Kychanov E.I. *Istoriia prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov)*, 2nd ed, revised and expanded. Saint Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010.
- Lipets R.S. *Obrazy batyra i ego konia v tiurko-mongol'skom epose*. Moscow: Nauka, 1984.
- Liu Mau-tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. I. Buch. *Texte*; II. Buch. *Anmerkungen, Anhänge, Index*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958.
- Mahmūd al-Kāshgārī. *Dīwān Luġāt at-Turk* (Svod tiurkskikh slov). Transl. A.R. Rustamov; ed. I.V. Kormushin; comment. I.V. Kormushin, E.A. Potseluevskii, A.R. Rustamov. Vol. 1. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 2010.
- Martinez A.P. Gardīzī's Two Chapters on the Turks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. T. II. 1982. Pp. 109–217.
- Márton A. A katonai kíséret és az ötörök *bujruk* tisztségnév viszonya a kora-középkori steppe. *Acta Universitatis Szegediensis: Acta Historica*. Vol. 106. 1998. Pp. 38–44.
- Melioranskii P.M. Pamiatnik v chest, Kiul.-Tegina. S dvumia tablitsami nadpisei, *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Russkogo arheologicheskogo obshchestva*. Vol. 12. Issues 2–3. 1899. Pp. 1–144.
- Mogil'nikov V.A. Kurgan 85 Kara-Koby-I i nekotorye itogi izucheniia drevnetiurkskikh pamiatnikov Altaia v sviazi s issledovaniiami v Kara-Kobe. *Istochniki po istorii Respubliki Altai*. Ed. A.S. Surazakov. Gorno-Altai: GAIGI, 1997. Pp. 187–234.
- Németh Gy. *A honfoglaló Magyarország kialakulása*, 2nd, extended and revised ed., ed. B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991.
- Osawa T. Aspects of the Old Turkic Social System Based on Fictitious Kinship (the analysis of the term <kul (slave)> in the Orkhon-Yenisei epitaphs). *Kinship in the Altaic World (Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference, Moscow 10–15 July, 2005)*. Ed. by E.V. Boikova, R.B. Rybakov. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. Pp. 219–230.
- Ovchinnikova B.B. Drevnetiurkskie zakhoroneniia v podboiakh v Tsentral'noi Tuve. *Drevnii i srednevekovyi Vostok. Istoriia i filologiya (problemy istochnikovedeniia)*. Ed. D.D. Vasil'ev, S.V. Volkov. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 215–223.
- Ovchinnikova B.B. Pogrebenie drevnetiurkskogo voina v Tsentral'noi Tuve. *Sovetskaia arkheologiya*. 1982. No. 3. Pp. 210–218.
- Ögel B. *Türk Kültürünün Gelişme Çağları*. Vol. 1–2. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1971.
- Pritsak O. *Pokhodzhennia Rusi*. Vol. 1. *Starodavni skandinavski dzhherela (krim islands'kikh sag)*. Kyiv: Oberegi, 1997.
- Pritsak O. *The Origin of Rus'*. Cambridge (Mass.). Vol. 1. *Old Scandinavian Sources other than the Sagas*. Harvard University Press, 1981.
- Pritsak O. The Slavs and the Avars, *Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto Medioevo, 15–21 aprile 1982*. Vol. I. Spoleto: Presso la Sede del Centro, 1983. Pp. 353–435.
- Radloff W. *Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei*, 3rd ed. Saint Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1895.
- Roux J.-P. Les chiffres symboliques 7 et 9 chez les Turcs non musulmans. *Revue de l'histoire des religions*, 1965, vol. 168, no 1. Pp. 29–53.
- Rukhliadev D.V. *Drevnetiurkskie runicheskie nadpisi 8–9 vv. kak pamiatnik istoriografii: genezis zhanra i struktura teksta: dis. ... kand. ist. nauk*. Saint Petersburg, 2005.
- Rybatzki V. *Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung*. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006.

Savinov D.G. Drevnetiurkskie kurgany Uzuntala (k voprosu o vydelenii kuraiskoi kul'tury), *Arkheologii Severnoi Azii*. Ed. A.K. Konopatskii, Iu.S. Khudiakov. Novosibirsk: Nauka, 1982. Pp. 102–122.

Savinov D.G. Parnyi kenotaf drevnetiurkskogo vremeni. *Problemy proiskhozhdeniia i etnicheskoi istorii tiurkskikh narodov Sibiri*. Ed. N.A. Tomilov. Tomsk: TGU, 1987. Pp. 80–89.

Seregin N.N. *Sotsial'naia organizatsiia rannesrednevekovykh tiurok Altae-Saianskogo regiona i Tsentral'noi Azii (po materialam pogrebal'nykh kompleksov)*. Barnaul: Altai Univ., 2013.

Seregin N.N. "Simvolicheskie" zakhoroneniia rannesrednevekovykh tiurok Altae-Saianskogo regiona. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2015. No 1(28). Pp. 47–55.

Sharaf al-Zamān Tāhir. *Marvazī on China, Turks and India*. Arabic Text (circa A.D. 1120) with the English translation and commentary by V. Minorsky. London: The Royal Asiatic Society, 1942.

Sinor D. The Legendary Origin of the Turks. *Folklorica: Festschrift for Felix J. Oinas*. Eds. E.V. Žygas, P. Voorheis. Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1982. Pp. 223–257.

Stark S. *Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien*. *Archäologische und historische Studien*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2008.

Szűcs J. *Nemzet és történelem: Tanulmányok*, 3rd ed. Budapest: Gondolat Kiadó, 1984.

Szűcs J. "Gentilizmus". *A barbár etnikai tudat kérdése (Knadidátusi ért. téz.)*. Budapest, 1971.

Şirin User H. Eski Türkçede Bazı Unvanların Yapısı Üzerine. *Bilig Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi*, 2006. Vol. 39. Pp. 219–236.

Şirin User H. *Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları*. Söz Varlığı İncelemesi. Konya: Kömen Yayınları, 2009.

Taşgıl A. *Gök-Türkler I*, 2nd ed. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2003.

Thomsen V. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung (Ausg. von H. Schaeder). *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd. 78. 1924. Pp. 121–175.

Thomsen V. Moğolistandaki Türkçe Kitabeler. *Türkiyat Mecmuası*. Vol. 3. 1935. Pp. 81–118.

Tishin A.A., Gorbunov V.V. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Biike (Gornyi Altai)*. Barnaul: Altai Univ., 2005.

Tolybekov S.E. *Obshchestvenno-ekonomicheskii stroi kazakhov v 17–19 vekakh*. Alma-Ata: Kazakhskoie gosudarstvennoie Izdatel'stvo, 1959.

Trepavlov V.V. Altaiskii geroicheskii epos kak istochnik po istorii rannei gosudarstvennosti. *Fol'klornoe nasledie Gornogo Altaia*, ed. V.I. Edokov. Gorno-Altai, 1989. Pp. 125–171.

Tuna O.N. Bazı İmlâ Gelenepleri Bunların Metin İncelemelerindeki Önemi ve Orhon Yazıtları'nda Birkaç Açıklama. *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1957*, 2nd ed. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1988. Pp. 41–81.

Vásáry I. Nép és ország a türköknél. *Nomád társadalom és államalakulatok (Tanulmányok)*. Ed. by F. Tökei. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1983. Pp. 189–213.

Vasiutin S.A. "Druzhinnye pogrebeniia": kriterii i interpretatsii (na primere rannesrednevekovykh pamyatnikov Saiano-Altai i Tsentral'noi Azii). *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noi Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniia): int. conference papers mezhdunar.* Ed. V.V. Bobrov. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016. Pp. 19–23.

Voitov V.E. *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovo-pominal'nykh pamyatnikakh Mongolii 6–8 vv.* Moscow: GMV, 1996.

Wilkens J. Remarks on a Topos in the Orkhon Inscriptions. *Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1290 Yılı (720–2010), 3–5 Aralık 2010, İstanbul: Bildiriler. From Ötüken to İstanbul, 1290 Years of Turkish (720–2010), 3th – 5th December 2010, İstanbul: Papers*. İstanbul: İstanbul Büyükşehir Belediyesi, 2011. Pp. 255–274.

Yıldırım F., Aydın E., Alimov R. *Yenisey–Kırgızistan Yazıtları ve İrk Bitig*. Ankara: BilgeSu, 2013.

Yoshida Y. Some New Readings in the Sogdian Version of Karabalgasun Inscription. *Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1290 Yılı (720–2010), 3–5 Aralık 2010, İstanbul: Bildiriler. From Ötüken to İstanbul, 1290 Years of Turkish (720–2010), 3th – 5th December 2010, İstanbul: Papers*. İstanbul: İstanbul Büyükşehir Belediyesi, 2011. Pp. 77–86.

Zuev Iu.A. *Drevnetiurkskie genealogicheskie predaniia kak istochnik po rannei istorii tiurkov: dis. ... kand. ist. nauk*. Alma-Ata, 1967.

Zuev Iu.A. O formakh etno-sotsial'noi organizatsii narodov Tsentral'noi Azii v drevnosti i srednevekov'e: Pestraia Orda, Sotnia. *Voennoe iskusstvo kочевников Tsentral'noi Azii i Kazakhstana (epokha drevnosti i srednevekov'ia)*. Ed. N.Zh. Shakhanova. Almaty, 1998. Pp. 49–100.

Zuev Iu.A. *Rannie tiurki: ocherki istorii i ideologii*. Almaty: Daik-Press, 2002.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРЕГИН Николай Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия. ТИШИН Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.	SEREGIN Nikolai N. – PhD (History) Associated Professor of Department of Archaeology, Ethnography and Museology of Altai State University, Barnau, Russia. TISHIN Vladimir V. – PhD (History), Senior Research Fellow of the Department of History and Culture of Central Asia on the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia.
--	--